

ЮРСКИЙ вошел, поздоровался, снял шляпу-канотье, поставил в угол зонтик.

Передо мною оказался серьезный молодой человек, с умными и, по счастью, нейроничными глазами. Почему по счастью — объясню позже.

О Юрском иногда говорят, что он эксцентричен. Причем некоторые говорят это с упреком. А разве нет? Вспомните его роли В каждой из них, даже с самым сложным психологическим рисунком, всегда найдется момент преувеличения, гротеска, эксцентриады. Часовников в «Океане», барон Тузенбах в «Трех сестрах», Чацкий в «Горе от ума», Эзоп в «Лисе и винограде», наконец, Илик в пьесе «Я, бабушка, Илик и Илларион».

Словарь трактует понятие «эксцентричный» как «выходящий из ряда вон, чудаковатый, странный». Да и сам Юрский говорит, что не очень любит так называемую естественность на сцене, хотя тут же добавляет, что один из самых интересных лично для него актеров — Олег Ефремов.

А я вижу, что при всем при том и Юрский — глубоко органичный актер.

Георгий Товстоногов, главный режиссер Большого драматического театра, беседа со мной, назвал главное его качество: всегда неожидан.

— Актер, все реакции которого я могу предугадать, который только принимает мое и не предлагает своего, такой актер мне неинтересен. Это марioneerка. У Юрского обязательно есть свое, работать с ним чрезвычайно увлекательно. Еще одно любопытное свойство: с самых первых дней он был мастеровит профессионален. Ни какого дилетанства, большая точность во всем.

Да, он любит форму. Он ищет форму. В «Лисе и винограде» у него есть потрясающий жест, когда он крепко об-

Чудаки Сергея Юрского

хватывает себя обеими руками. Этот жест сопровождает единственная фраза: «Я один». Жест — не первый, который может прийти человеку в голову, не лежащий на поверхности. Жест эксцентричный. Но вы вдруг с пронзительной силой ощущаете человеческое одиночество. Эзоп. То есть я хочу сказать, что за каждой неожиданной, как может показаться, реакцией Юрского лежит глубокая психологическая правда, лежит пласт жизненной философии, которую артисту важно передать.

НЫНЧЕ принято писать, что настало время интеллектуального, мыслящего актера. Человека, осознающего свое место на той общественной кафедре, которой является театр, и знающего, что он хочет провозгласить с этой кафедры. Все это так. Тем не менее продолжает оставаться необъяснимым, по крайней мере на первый взгляд, обстоятельство, при котором нас иногда потрясает вовсе не этот современный актер, не на сцене — в жизни умеющий произвести блестящую тираду или обнародовать глубокий внутренний монолог, а актер, как говорят, стихийный, за пределами театра ничего не умеющий объяснить, но чей талант и явление нам то самое чудо искусства, которое составляет в конце концов суть искусства.

В Юрском мы находим великолепный сплав одаренности и умной, широкой образованности. Он играет, к примеру, своего Илика с такой самозаб-

венной отдачей, с такой изначальной радостной талантливостью, что, честное слово, хочется сказать: нет, это не от ума, это только от «натур», талант милостию божею.

И в то же время, по словам Товстоногова, он «очень многое знает».

Сценический образ возникает у него по-разному. Но почти всегда при этом присутствует элемент размышления, знания. «Теория чистого листа», ярый противником которой является Товстоногов, блестяще проваливается и на примере Юрского. Ничего не зная, чтобы знание не помешало самобытности создаваемого, — это чушь, отговорка для ленивых.

Когда Товстоногов предложил Юрскому сыграть Чацкого, Юрский был ошарашен. Теперь он говорит, что это был режиссерский подвиг.

Началась работа. А в голове все сидела одна фраза, сказанная когда-то Пушкиным. О том, что Чацкий — глупый человек.

В тот год Юрский вообще увлекся Пушкиным. Попал в Пушкинские горы, познакомился с пушкиноведами, много читал поэта и о поэте. Так что же это за фраза: Чацкий — глупый человек? Откуда это раздражение, эта личная, болезненная интонация? Впрочем, разве и о самом Пушкине не говорили такого? Разве не был он средоточием странных, несовместимых черт и свойств: писал гениальные стихи и вел себя, как мальчишка, мог страдать от чьего-то пошлого слова...

Что двигало Чацким в гримебодовской пьесе? Только любовь. Он произносил свои знаменитые монологи, конечно, не для Фамусовых и Скалозубов. Он знал цену этим последним, ему нечего было тратить жар своей души, чтобы быть понятым теми, чье понимание было и невозможно, и ненужно ему. Но он был отчаянно влюблен и терял голову. В раздражении, в безумстве в нем прорывалось вдруг истинное, чем он был полон. О, всего лишь десятая, может быть, сотая часть подлинного наполнения его души, его гениальной головы...

После одного из спектаклей в артистическую к Юрскому пришел Эраст Гарин:

— Нет уж, Сергей Юрьевич, увольте, это уж бог знает что! Почему вы играете Пушкина?

ТАК ВОТ о главной теме Сергея Юрского.

Пожалуй, при всем разнообразии и многоплановости созданных им характеров его можно назвать актером одной идеи. Яро, страстно, всеми красками своей актерской палитры Юрский защищает человеческую индивидуальность, право человека быть самим собой, начиная от манеры поведения и кончая собственным взглядом на вещи. Из спектакля в спектакль он играет человека, не умеющего приспособиться. И лишь на первом взгляде кажется, что приспособляемость требуют от него дурные люди. Гребует общество (в «Горе от ума», в «Лисе и винограде», в «Цене»),

В АРТИСТИЧЕСКОЙ

т. е. в том числе и люди вполне хорошие, но мыслящие в рамках данного общества. Они искренне недоумевают (и Клея, и Софьи, и Уолтера), почему он так странно, а то и нелепо себя ведет, почему страдает, чего хочет. И потому стремятся поскорее наложить клеймо узких, пошлых определений на высоту духа и свободу души и ума, непонятные им. А он, этот чужак, просто живет в соответствии со своими внутренними духовными потребностями, и в этом главный нравственный и социальный конфликт, занимающий Юрского.

Мы не говорили с ним об этом. Мы говорили о другом. И он объяснял мне — по другому поводу:

— Я долгое время думал: не имеешь полной информации — помолчи, не вмешивайся. Чтобы твердо сказать «да» или «нет», чтобы иметь позицию, надо знать все в полном объеме. А потом увидел: ее имеют люди, которые иногда знают гораздо меньше меня, и я элементарно уступаю им поле боя. А это слабость, трусость, оправдание собственной незрелости. Надо говорить «да» или «нет». И надо больше доверять своим глазам...

Но это было о том же — о главной теме.

НАДО больше доверять своим глазам. Эта мысль звучит в «Цене» — новом спектакле Юрского. До сих пор, до этого последнего спектакля, актер неизменно подчеркивал особенности, странности в характерах своих героев, хотя первопричиной его нешаблон-

ных актерских реакций всегда остается нешаблонность актерского и человеческого мышления. Помните знаменитый обморок Чацкого?

И здесь, пожалуй, будет уместно привести еще одну цитату из Юрского:

— Я люблю не всякого зрителя, — говорил он. — Есть категория, которую я органически не принимаю и не принимая, воюю с ними на сцене. Знаете, достал билет в ВДТ, сидит, довольный, все его видят, он всех видит, и все знают, что он культурный человек. А тут вдруг актер Юрский в роли Эзопа стоит в такой странной позе. Зачем это? К чему? Может быть, это издевка? Я с некоторым даже удовольствием рассматриваю такого зрителя и — делаю то, что делаю.

— Любите эпатировать публику?

— Нет. Эпатаж — это хулиганство ради хулиганства. Я же хочу взорвать спокойствие, равнодушие. Я хочу, чтобы зритель приходил в театр удивляться, поражаться. Театр — диво, он должен быть дивом, иначе он не нужен...

Все так. И вдруг в «Цене» совершенно новый, совершенно неожиданный Юрский. Экспериментика всегда была для него формой выражения серьезного. Здесь формы нет. Т. е. она есть, но ее не замечаешь во все, что, как известно, и является высшим проявлением мастерства. Есть свое, изначальное, есть правда почти обнаженной человеческой души.

Герой Юрского Виктор Франц, кажется, всю жизнь только и делал, что сдвигал позиции: отказался от научной карьеры пошел в полицейские. А его брат Уолтер в это время позиции брал. Но все это с точки зрения того буржуазного общества, в котором живут Уолтер и Виктор. Общество хочет, чтобы люди следовали именно его законам и его морали, оно любит конформистов, приспособляющихся к нему. Однако есть иная точка зре-

ния, нежели та, которую исповедует Уолтер. По ней главные человеческие ценности совсем иные. Уолтер не знает их, и потому так опустошена, искалечена его душа. Виктор знает.

Жизнь последовательно выживает все костыли, на которых могла бы удержаться его добродетель с тем чтобы он сдался и принял наконец условия игры, на которых настаивает общество. А она держится. Впрочем, не добродетель, нет. Держится высокая нравственная самостоятельность его духа.

...Юрский в жизни абсолютно скромный человек. Я писала о том, что у него, по счастью, нейроничные глаза. По счастью, потому что страшно надоело эти современные ироничные интеллекты, когда ирония помогает скрыть не только объемы, но и пустоты. А уже давно хочется серьезного и настоящего. Это серьезное и настоящее есть в Юрском.

О. КУЧКИНА.
(Наш спец. корр.)

Ленинград.

ПОМОЩЬ ПРАВА
МОСКВА
22 ДЕНЬ

277